

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ: К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Т.Г. ИВАНОВА
(Санкт-Петербург)

ФОЛЬКЛОРИСТЫ ПУШКИНСКОГО ДОМА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Фольклористика в стенах Пушкинского Дома появилась в 1939 г., когда решением Президиума Академии наук существовавшая в то время Фольклорная комиссия вместе с ее архивами (рукописным и фонозаписей) и штатами, в рамках разграничения филологических и исторических наук, была переведена из Института антропологии и этнографии в Институт литературы АН СССР (именно так именовался Институт русской литературы в то время). В стенах Пушкинского Дома Фольклорная комиссия была преобразована в Отдел фольклора народов СССР.

По Положению, Отдел делился на две ячейки: по словесному фольклору (с хранилищем фольклорных рукописей и фольклорно-справочной библиотекой) и музыкальному фольклору (с фонограммархивом, справочной музыкальной библиотекой и технической частью). В предвоенное время во главе Отдела фольклора народов СССР стоял д-р филол. наук М.К. Азадовский; он же руководил работой по словесному фольклору. М.К. Азадовский, напомним, в те годы являлся также заведующим кафедрой фольклора Ленинградского государственного университета. Секретарем Отдела была старший научный сотрудник канд. филол. наук А.М. Астахова; она же осуществляла общее руководство фольклорным рукописным хранилищем, архивистом которого являлась младший научный сотрудник В.А. Кравчинская. В Отделе работали фольклористы-словесники — д-р филол. наук Н.П. Андреев (по совместитель-

ству он преподавал в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена), канд. филол. наук А.Н. Лозанова (в ее ведении находился справочно-библиографический сектор Отдела), а также аспирантка-заочница П.Г. Ширяева. Руководство Фонограммархивом, располагавшимся на улице Халтурина, осуществлял старший научный сотрудник канд. истор. наук Е.В. Гиппиус (с 1940 г. он являлся также профессором Ленинградской консерватории). Под его началом работали канд. истор. наук З.В. Эвальд и канд. филол. наук С.Д. Магид (архивист). Таков штат научных сотрудников Отдела фольклора предвоенного времени — всего 8 человек.

Сохранились планы сотрудников Отдела на 1941 г. [ПФА РАН, ф. 150, оп. 1-1941, № 46, л. 15—32]. В них удивительным образом переплелись подлинно научные задачи с целями конъюнктурного характера, диктуемыми тоталитарным режимом. Так, в планах фольклористов значатся статьи для готовившегося сборника «Сталин и фольклор»: «Фольклор и литература» (Н.П. Андреев), «Возрождение эпоса» (А.М. Астахова), «Сталинская тема в сказке» (А.Н. Лозанова). А.Н. Лозанова планировала экспедицию в Сталинградский р-н, рассчитывая, по-видимому, записать устно-поэтические произведения, воспевавшие участие Сталина в обороне большевиками Царицына от белых войск. Избежать подобного рода тем в те времена было невозможно. Однако несмотря на откровенный идеологический диктат, фольклористика реализовывала и свои подлинно научные потенции.

М.К. Азадовский вместе с В.М. Жирмунским намеревался начать подготовку к изданию тома трудов А.Н. Веселовского по эпосу. В послевоенное время имя выдающегося русского филолога, как известно, будет оплевано в ходе «антикомпаративистской кампании», но пока отечественная филология, в 1938 г. отметившая столетие со дня рождения ученого, окружала это имя заслуженным пиететом. Для пер-

вого тома третьего издания «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга (в 1938 г. вышли второй и третий тома, подготовленные А.И. Никифоровым, сотрудничавшим с Фольклорной комиссией, а затем с Отделом фольклора Пушкинского Дома) М.К. Азадовский должен был написать вступительную статью. Н.П. Андреев работал над подготовкой тома сказок для Фольклорного свода [Азадовская 1978, 202–203]. Для очередного, девятого (так и не вышедшего), выпуска временника «Советский фольклор» – предшественника современного пушкинодомского «Русского фольклора» – ученый собирался написать обзор новых изданий сказочных сборников. А.М. Астахова планировала завершение работы над первым томом былин Фольклорного свода.

П.Г. Ширяева и В.А. Кравчинская в 1941 г. заканчивали работу над сборником «Фольклор Ленинградской области». Музыкаведческая часть коллектива Отдела фольклора (Е.В. Гиппиус, З.В. Эвальд, С.Д. Магид) работали над сборниками «Цыганские народные песни» и «Калмыцкие народные песни», входившими в серию «Песни народов СССР». Отдел фольклора народов СССР в предвоенные годы был также занят созданием обобщающего труда по русской народной словесности под названием «Русский фольклор» – трехтомной коллективной монографии, которая одновременно носила академический и учебный характер. К этой работе, наряду с пушкинодомскими учеными, были привлечены фольклористы из других городов Советского Союза.

Однако большинству перечисленных замыслов было не суждено сбыться. Начало войны нарушило все планы, не только надолго отодвинув издание готовых книг, но и полностью похоронив многие проекты.

М.К. Азадовского, как следует из его письма к Н.К. Гудзю, сообщение по радио о нападении Германии на СССР застало по дороге к машинистке, которой он относил последние страницы первого тома своей «Истории русской фольклористики» [Азадовская 1981, 227]. Книга, уже практически законченная, с началом военных действий, естественно, выйти не смогла. Развернувшаяся вскоре после войны «антикомпаративистская кампания» отодвинула ее публикацию еще более чем на десять лет. «История русской фольклористики» увидела свет уже после смерти ученого.

В первые дни Великой Отечественной войны основным содержанием пушкино-

домской жизни стала подготовка к эвакуации историко-культурных ценностей, хранившихся в его стенах – в Рукописном отделе, Литературном музее и Библиотеке. Этим же задачам была подчинена жизнь Отдела фольклора. Сразу же после 22 июня сотрудники Отдела начали паковать материалы Фонограммархива и фольклорного рукописного хранилища. В одном из архивных документов читаем: «Коллекции Фонограммархива и Рукописного хранилища Отдела были тщательно упакованы и сданы на хранение в Эрмитаж» [ПФА РАН, ф. 150, оп. 1-1949, № 8, л. 6]. Названные материалы были приготовлены для отправки с эшелонами, вывозящими сокровища Эрмитажа в Свердловск. До 9 сентября (день, когда вокруг Ленинграда сомкнулось блокадное кольцо) Эрмитаж успел отправить два эшелона; третий, вместе с которым предполагалось вывезти материалы Отдела фольклора, вырваться из города уже не смог. Упакованные ящики Отдела фольклора оставались в течение всей войны в подвалах Эрмитажа.

Летом 1941 г. начались бомбежки города. Все силы пушкинодомцев были брошены на обеспечение сохранности здания Института. Л.Н. Назарова в своих воспоминаниях пишет: «Помню, как однажды ночью сотрудники Пушкинского Дома разгружали платформы с песком около Фондовой биржи и по цепочке, в ведрах, переносили песок (для тушения зажигательных бомб) в башню Института» [Назарова 2004, 96]. Казарменное положение для части ученых, дежурства на крыше во время налетов авиации, военные занятия – таковым стало содержание пушкинодомской жизни. «Не раз во время налетов нам приходилось гасить на крыше зажигательные бомбы, – вспоминает В.А. Мануйлов. – Борьба с ними оказалась не такой уж сложной. Мы гасили их песком и сбрасывали во двор, на набережную Малой Невы, а там они уже не представляли опасности» [Мануйлов 1999, 354].

Тем не менее собственно научная жизнь в первые, летние, месяцы войны еще не прекращалась. Как это ни странно, свое продолжение находили некоторые дела, начатые еще в мирные дни. 3 сентября 1941 г. М.К. Азадовский писал московской фольклористке В.Ю. Крупянской из осажденного, но еще не блокадного города: «Как всегда бывает, многое движется по инерции – и вчера мы с Анной Михайловной (Астаховой. – Т.И.) весело смеялись, когда вдруг –

совершенно неожиданно — нам прислали корректуру первого тома Гильфердинга» [Азадовская 1981, 205; ср.: Азадовская 1978, 201–202]. Корректурa была вычитана и отослана назад в типографию, но в условиях наступившей блокады издание состояться уже не могло. Впоследствии и корректурa, и типографский набор погибли. Третье издание «Онежских былин» так и не было завершено: первый том А.Ф. Гильфердинга не вышел. После войны, в 1949–1951 гг., было осуществлено четвертое издание, в котором вступительная статья уже принадлежала В.Г. Базанову, а ответственным редактором после развязывания «антикомпаративистской кампании» числился не М.К. Азадовский, а А.М. Астахова.

Еще до 9 сентября пушкинодомские фольклористы сумели перестроить свои научные планы. В связи с требованиями военного времени очень оперативно А.М. Астахова и В.А. Кравчинская подготовили брошюру «Защита Отечества в народных песнях». Эта книга была выпущена в августе 1941 г. (подписана к печати 20 августа) в так называемой «Оборонной серии». Вряд ли стоит преувеличивать научное значение брошюры. Она решала совсем иные — пропагандистские — задачи. А.М. Астахова и В.А. Кравчинская построили свое исследование на противопоставлении образов защитников Русской земли (Илья Муромец, Скопин-Шуйский, Суворов, Платов и др.), с их высокопатриотичными настроениями, и врагов Руси (былинные чудовища, Стефан Баторий, Наполеон и пр.). В соответствии с исторической ситуацией фольклористы не могли удержаться от прямых аллюзий в прорисовке некоторых образов. Так, например, прусский король в песнях XVIII в. о русско-прусской войне ими прямо сопоставляется с Гитлером. Завершается брошюра, что вполне ожидаемо, анализом так называемых «новин» — «советских былин» о героях-большевиках.

Однако уже летом 1941 г. Отдел фольклора, как и другие отделы Пушкинского Дома, волей-неволей начал сворачивать свою научную деятельность. В связи с военным положением произошли сокращения институтских штатов. Д.С. Лихачев писал: «Самое страшное было постепенное увольнение сотрудников. По приказу Президиума по подсказке нашего директора — П.И. Лебедева-Полянского, жившего в Москве и совсем не представлявшего, что делается в Ленинграде, происходило "сокращение штатов". Каждую неделю вывешивались приказы об увольнении. <...> Увольнение было страшно, оно было равносильно смертному приговору: увольняемый лишался карточек, поступить на работу было нельзя» [Лихачев 1999, 460]. Летом из Пушкинского Дома были уволены Б.В. Томашевский, Л.Б. Модзалевский, К.Д. Муратова, М.О. Скрипиль и многие другие ученые. Сокращение штатов коснулось и Отдела фольклора.

28 июля 1941 г. была уволена Вера Александровна Кравчинская (1885 — ?). Дочь земского врача из Петербургской губ., она после окончания Санкт-Петербургской Коломенской женской гимназии (1898) училась на словесном отделении Санкт-Петербургских педагогических курсов женских гимназий (1898 — 1901). Трудовую деятельность начала поздно — в тяжелые годы Гражданской войны. В 1925 — 1938 гг. являлась репортером редакций разных ленинградских газет. В 1938 г. В.А. Кравчинская стала вольнослушателем по кафедре фольклора ЛГУ, и вскоре, в конце года, М.К. Азадовский пригласил ее в Фольклорную комиссию для работы в рукописном фольклорном хранилище.

Первой научной публикацией В.А. Кравчинской стала статья «Новый вариант сказки М.М. Коргуева», посвященная «советской сказке» о Чапаеве [Кравчинская 1941; Кравчинская, Ширяева 1957]. В дальнейшем ее интересовали нарративы о Ленине, она писала о частушках военного времени, вместе с П.Г. Ширяевой подготовила сборник «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. 1931 — 1949 гг.» [Кравчинская, Ширяева 1950] — переработанный вариант сборника «Фольклор Ленинградской области», работа над которым шла еще до начала войны.

После увольнения из Пушкинского Дома до 20 августа 1942 г. В.А. Кравчинская работала в одной из библиотек Ленинграда, после чего была эвакуирована в с. Красная Река Ульяновской обл. Здесь до 20 августа 1945 г. она являлась учительницей местной школы. В Ульяновской обл. В.А. Кравчинская не оставила своих занятий фольклором. Она записала около 3000 произведений устной словесности, которые ныне находятся в Фольклорном хранилище ИРЛИ в ее личных коллекциях [ФХ ИРЛИ, кол. 115 за 1942 — 1947 гг., кол. 138 за 1936 — 1944 гг.]. По возвращении в Ленинград В.А. Кравчинская опять стала сотрудником Отдела фольклора. Имеет медаль

«За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»¹.

Вторым фольклористом, уволенным из Пушкинского Дома, была Александра Николаевна Лозанова (1896 – 1968). М.К. Азадовский 3 сентября в письме к В.Ю. Крупянской с сочувствием упоминает о А.Н. Лозановой: «Бедная А.Н. и не уехала, и лишилась места» [Азадовская 1981, 205]. Высшее образование А.Н. Лозанова получила на этнолого-лингвистическом отделении Саратовского университета (1918 – 1923) как раз в то время, когда там преподавал Б.М. Соколов. Впоследствии она работала в своей alma mater на кафедре русского языка и литературы. В 1930 г. А.Н. Лозанова переехала в Ленинград, где стала аспиранткой Института по изучению народов СССР (ИПИИ), преобразованного вскоре в Институт антропологии и этнографии. С 1934 г. она старший научный сотрудник Института в составе Фольклорной комиссии. 15 июня 1935 г. А.Н. Лозановой в ходе введения научных степеней была присуждена ученая степень канд. филол. наук. А.Н. Лозанова сыграла важную роль в становлении петрозаводской фольклористики. В 1938 г. она была командирована из Ленинграда в Карельский научно-исследовательский институт культуры (г. Петрозаводск), где до 1940 г. заведовала Фольклорной секцией.

Основной темой в области народной поэзии для А.Н. Лозановой был фольклор о Степане Разине и Емельяне Пугачеве. Первые ее статьи о вождях крестьянских восстаний были опубликованы еще в 1926 г. В 1928 г. в Саратове вышла монография А.Н. Лозановой «Народные песни о Степане Разине», за которую квалификационной комиссией Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦКУБУ) в 1930 г. она была награждена денежной премией. К середине 1930-х гг. исследовательница уже являлась составителем сборника «Песни и сказания о Разине и Пугачеве» [Лозанова 1935] и была признанным авторитетом в области изучения исторического фольклора. В Пушкинский Дом она пришла зрелым, сложившимся ученым.

19 августа 1941 г., как было сказано выше, А.Н. Лозанова была уволена из ИЛИ. Первую блокадную зиму она проработала в Ленинграде медсестрой в одном из госпиталей. В феврале 1942 г. ей удалось эвакуи-

роваться. Д.С. Лихачев вспоминает страшные обстоятельства ее переправы через Ладогу по «дороге жизни»: «У А.Н. Лозановой (фольклористики) погиб на этой дороге муж. Она везла его на детских саночках, так как он уже не мог ходить. По ту сторону Ладоги она оставила его на саночках вместе с чемоданами и пошла получать хлеб. Когда она вернулась с хлебом, ни саней, ни мужа, ни чемоданов не было. Людей грабили, отнимали чемоданы у истощенных, а самих их спускали под лед. Грабежей было очень много. На каждом шагу – подлость и бласгородство, самопожертвование и крайний эгоизм, воровство и честность» [Лихачев 1999, 480]. А.Н. Лозанова обосновалась в Казани, куда вскоре был эвакуирован и Пушкинский Дом, но вернулась в Институт исследовательница только 17 ноября 1944 г., уже после реэвакуации в родной город. Имеет правительственные награды: медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» [Астахова 1971].

1 сентября 1941 г. приказ о сокращении штатов коснулся третьего сотрудника Отдела фольклора – Софьи Давыдовны Магид (1892 – 1954). Она закончила Петроградскую консерваторию по классу фортепиано (1917), преподавала музыку в учебных заведениях Николаева и Петрограда. В 1922 – 1926 гг. училась по специальности музыковедение на Высших курсах искусствоведения Государственного института истории искусств; учителем ее был Б.В. Асафьев. По окончании курсов С.Д. Магид стала научным сотрудником ГИИИ (1926 – 1931). Там она приобщилась к фольклористике. В 1928 и 1930 гг. исследовательница совершила экспедиции на Волынь для записи еврейских народных песен. В 1931 г. по приглашению Института по изучению народов СССР она приняла участие в экспедиции в Белоруссию; в 1932 г. по приглашению Наркомпроса Азербайджана – в Нагорный Карабах и Курдистан. В 1932 – 1933 гг. фольклористка сделала записи революционных песен в Обществе старых большевиков и бывших политкаторжан.

В июне 1933 г. С.Д. Магид была принята на работу в Фонограммархив Института антропологии и этнографии. Е.В. Гиппиус в одном из отзывов о ее работе писал: «В 1933 г. она выполнила трудную и ответственную работу по паспортизации и инвентаризации фонозаписей Фонограммархива ИАЭ, выявив большую эрудицию в области музыкального фольклора при определе-

¹ Биографические данные о В.А. Кравчинской и других сотрудниках Отдела фольклора приводятся в основном по личным делам исследователей, хранящимся в [ПФА РАН, ф. 150, оп. 1].

нии беспаспортных коллекций» [ПФА РАН, ф. 150, оп. 2, № 564, л. 32]². 1 июля 1939 г., уже будучи сотрудником Пушкинского Дома, С.Д. Магид в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра защитила диссертацию на тему «Баллады в еврейском фольклоре» (напомним, что ИЛИ в предвоенные годы не имел права присуждать ученые степени).

После увольнения из Пушкинского Дома первые восемнадцать месяцев блокады она провела в Ленинграде, работая в Ленинградском отделении Союза советских композиторов (членом Союза она была с 1939 г.). В начале 1943 г. ей удалось эвакуироваться в Казахстан. Здесь исследовательница продолжила свои занятия фольклором, в частности, в апреле 1944 г. в Ташкенте на конференции, организованной Институтом востоковедения АН СССР, она прочла доклад «Эпические песни казахов». В конце 1944 г. фольклористка вернулась в Ленинград и поначалу продолжила работу в Союзе советских композиторов, а затем вернулась в Пушкинский Дом. С.Д. Магид награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Одновременно с С.Д. Магид под сокращение штатов попала З.В. Эвальд. Увольнение С.Д. Магид и З.В. Эвальд мотивировалось тем, что Фонограммархив был законсервирован. 26 сентября по этой же причине Е.В. Гиппиус, руководитель Фонограммархива, подал заявление с просьбой разрешить ему «временно прекратить работу в ИЛИ с сохранением <...> права ответственного наблюдения» за Фонограммархивом [ПФА РАН, ф. 150, оп. 2, № 500, л. 5]. С 1 октября ученый значился в беспроном отпуске.

Оставшиеся члены Отдела фольклора пытались продолжать научную деятельность. 3 ноября М.К. Азадовский писал И.Я. Айзенштоку: «Не теряю ни бодрости, ни энергии, — и в скором времени собираюсь своим докладом открыть научные заседания Отдела фольклора» [Азадовская 1981, 206]. Однако наладить планомерную работу в блокадном городе не удалось. Начались самые тяжелые месяцы блокады. Истощенные люди поначалу еще приходили в

Институт, где были организованы обеды в виде «дрожжевого супа», но вскоре уже не могли физически добраться до Пушкинского Дома. Правда, это не означало, что ученые прекратили писать. «Человеческий мозг умирал последним, — замечал Д.С. Лихачев в своих воспоминаниях о блокаде. — Когда переставали действовать руки и ноги, пальцы не застегивали пуговицы, не было сил закрыть рот, кожа темнела и обтягивала зубы и на лице ясно проступал череп с обнажающимися, смеющимися зубами, мозг продолжал работать. Люди писали дневники, философские сочинения, научные работы, искренне, "от души" мыслили, проявляли необыкновенную твердость, не уступая давлению, не поддаваясь суете и тщеславию» [Лихачев 1999, 490].

М.К. Азадовский продолжал трудиться над главной книгой своей жизни — «Историей русской фольклористики». Рукопись первого тома успели обсудить на Ученом Совете Пушкинского Дома еще в мирные дни, она была утверждена к печати 30 апреля 1941 г. Во время блокады ученый работал над второй книгой. 21 сентября 1943 г., уже из Иркутска, куда он будет вскоре эвакуирован, исследователь пишет Н.К. Гудзию: «... целый ряд глав второго тома, а также общее предисловие и пр. писались и завершались в дни и вечера бомбежек, в ночные дежурства в Институте, писались холодеющими пальцами, писались на краешке стола, заваленного всем, что попало, в единственной оставшейся жилой (полужилой) комнате, при свете коптилки или елочных восковых свечек» [Азадовская 1981, 227].

В первую блокадную зиму Отдел фольклора понес невосполнимые утраты. В январе 1942 г. скончались Н.П. Андреев и З.В. Эвальд. Николай Петрович Андреев (1893 – 1942), выпускник Казанского университета (1918), ученик В.Н. Андерсона, создатель «Указателя сказочных сюжетов» (1929), в предвоенное время был одним из ведущих фольклористов страны. Не желая подчиняться нечеловеческим условиям блокады, осенью 1941 г. он, как и в предыдущие годы, читал в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена курс русского фольклора [Астахова 1971а]. Д.С. Лихачев о смерти ученого вспоминает следующее: «Фольклорист Н.П. Андреев умирал так. Сперва он дежурил в Институте и за себя, и за М.К. Азадовского. Азадовский очень плохо себя чувствовал и просил его за себя подежурить. Н.П. Андреев пришел на помощь товари-

² О результатах работы С.Д. Магид по разбору и атрибуции материалов Фонограммархива см. подробнее: [Гиппиус 1936; Магид 1936]. См. о С.Д. Магид: [Бернандт, Ямпольский 1974, 169–170; Энциклопедия 1995, 221]. По уточненным данным, исследовательница умерла не в 1955 г., как указывается в справочниках, а в 1954 г.

шу (тем более что у М.К. Азадовского только что родился сын, прямо в бомбоубежище) и стал дежурить. Двойные дежурства очень истощили Н.П. Андреева. <...> Однажды Н.П. Андреев пришел в Пушкинский Дом по дороге домой из Герценовского института и попросил кого-нибудь проводить его: он не мог дойти до дому. <...> Проводить его пошла А.М. Астахова. Они шли бесконечно долго, по пути они два раза заходили в чужие квартиры отдохнуть. В одной квартире Н.П. Андреева накормили сахаром. Это дало ему силы дойти до дому. <...> Через несколько дней я пошел к Н.П. Андрееву отнести ему билет на самолет (имеется в виду самолет, с которым можно было эвакуироваться на «большую землю». — *Т.И.*). В Институте кто-то не полетел <...> и надо было доставить билет Андрееву за несколько часов до отлета самолета. <...> Я дошел до него и даже достучался (это было трудно), но отлететь он уже не смог. Через некоторое время он умер» [Лихачев 1999, 476–477]. М.К. Азадовский о смерти Н.П. Андреева писал В.Ю. Крупянской 18 января 1942 г.: «Неожиданная, хотя и не совсем внезапная смерть Николая Петровича, вероятно, потрясла Вас и всех московских фольклористов. Какое совпадение: он умер в тот же день — 15 января, — что и Юрий Матвеевич (Соколов. — *Т.И.*)!» [Азадовская 1981, 207].

Зинаида Викторовна Эвальд (1894 — 1942), талантливый фольклорист, выпускница Ленинградской консерватории по классу фортепиано и факультета истории музыки Государственного института истории искусств (1925), участник севернорусских экспедиций ГИИИ 1926 — 1929 гг. в Заонежье, на Пинегу, Мезень и Печору, сотрудник Фольклорной комиссии с 1931 г., супруга Е.В. Гиппиуса, скончалась через две недели после Н.П. Андреева — 27 января³. Уже в Иркутске, с грустью вспоминая умерших в блокаду товарищей, М.К. Азадовский писал В.Ю. Крупянской: «Как без Зины Эвальд поднять вопросы лирики? Кто закончит для нашего курса главу о сказке, когда сразу не стало и Николая Петровича (Андреева. — *Т.И.*) и Александра Исааковича (Никифорова. — *Т.И.*)?» [Азадовская 1981, 227].

³ О З.В. Эвальд см.: [Эвальд 1982].

⁴ Александр Исаакович Никифоров (1893 — 1942), известный фольклорист, участвовал во многих проектах Пушкинского Дома, в частности в задуманной в предвоенные годы трехтомной коллективной монографии «Русский фольк-

Сам Марк Константинович Азадовский (1888 — 1954) в блокадном Ленинграде оставался до марта 1942 г., когда он, больной и истощенный, по особому распоряжению Смольного вместе с Б.В. Томашевским самолетом был вывезен в Москву. К 18 мая, после тяжелой дороги, он вместе с женой и сыном добрался до родного для него Иркутска — города, в котором он состоялся как ученый. Окрепнув, М.К. Азадовский начал преподавать в Иркутском университете и местном педагогическом институте. Помимо фольклористики, ему пришлось взять на себя курсы истории русской литературы.

Педагогическая деятельность отнимала много сил и времени, но тем не менее исследователь не оставлял научных занятий фольклором, сразу же оказавшись в центре фольклористической работы многонациональной Сибири. В первые же месяцы своего пребывания в Иркутске М.К. Азадовский организовал Общество истории, литературы, языка и этнографии при местном университете. На заседаниях Общества им были прочитаны доклады «Задачи филологических наук в дни Великой Отечественной войны», «Роль фольклора в патриотическом воспитании трудящихся», «Советская фольклористика за 25 лет», «Кризис европейской фольклористики», «Славянская фольклористика в начале XIX века» и др.⁵

Летом 1942 г. М.К. Азадовский побывал в Улан-Удэ, провел совещание бурятских фольклористов, дал согласие написать статью по истории бурято-монгольской фольклористики. Из переписки ученого ясно, что над статьей, порученной ему Бурят-Монгольским педагогическим институтом, он работал в ноябре 1942 — феврале 1943 г. Работа эта, к сожалению, осталась неопубликованной.

В 1943 г. М.К. Азадовский написал статью об одном из якутских олонгхосутов — М.Н. Тимофееве-Терешкине [Азадовский 1942], где специально остановился на отражении в творчестве сказителя темы Великой Отечественной войны. В это же время ученый выступил в качестве редактора поэтических сказов сибирских сказительниц Е.И. Чичаевой и А. Рогожниковой, также

лор», так и не увидевшей свет в том виде, как ее мыслил М.К. Азадовский. После войны с новым коллективом авторов издано «Русское народное поэтическое творчество» [РНПТ 1953–1956].

⁵ См. подробнее: [Ярневский 1988].

посвященных войне [Чичаева 1942; Чичаева 1943; Рогожникова 1943].

В Сибири М.К. Азадовский завершил работу над вторым томом «Истории русской фольклористики»⁶. Решениями Ученых Советов Иркутского университета и Иркутского педагогического института в декабре 1942 г. рукопись была представлена на соискание Сталинской премии, однако вопрос этот Комитетом по присуждению премии не рассматривался, так как по положению выдвигаться могли только опубликованные работы.

Из писем М.К. Азадовского 1942 – 1945 гг. к разным корреспондентам следует, что в те же годы он задумал написать «Введение в фольклористику» – труд, в котором намеревался поставить теоретические вопросы. «Хотелось бы, наконец, заставить себя продумать вопрос о сущности и определении фольклора, найдя место в едином понятии разнообразным его формам от первобытного заговора до современного боевого текста; более внимательно осветить, наконец, и проблему связи фольклора с литературой», – писал ученый 20 сентября 1942 г. В.Ю. Крупянской [Азадовская 1981, 218; Азадовская 1978, 201–202]. Этот проект, волновавший ученого в Сибири, к сожалению, завершен не был.

21 – 25 марта 1943 г. М.К. Азадовский организовал в Иркутске совещание фольклористов и сказителей. Конференция имела большой резонанс в культурной жизни восточной Сибири. Ученый выступил с докладом «Итоги советской фольклористики» [Азадовский 1943]. В декабре этого же года он побывал в Москве, где участвовал в работе конференции, созванной Всесоюзным Домом народного творчества (доклад «Итоги и перспективы советской фольклористики»). Обе конференции нацеливали науку на собирание произведений, отражавших настроения народа во время войны. На следующий год М.К. Азадовский выступил в качестве редактора первого научного сборника, посвященного фольклору Великой Отечественной войны, – «Фронтовой фольклор» В.Ю. Крупянской [Крупянская 1944]. Тогда же вышел в свет персональный библиографический указатель фольклориста, которым сибиряки отметили тридцатилетие его научной работы [Бер 1944].

Энергичная деятельность М.К. Азадовского во время Великой Отечественной вой-

ны отмечена государственными наградами: орденом Трудового Красного знамени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

К марту 1942 г. после увольнений В.А. Кравчинской, А.Н. Лозановой, Е.В. Гиппиуса, эвакуации М.К. Азадовского, смерти Н.П. Андреева и З.В. Эвальд в Пушкинском Доме оставались только А.М. Астахова и П.Г. Ширяева. 16 марта 1942 г. Комиссией по делам ленинградских учреждений АН СССР было принято решение о создании Объединенного ученого совета гуманитарных Институт (Востоковедения, Литературы, Истории материальной культуры, Языка и мышления, Ленинградского отделения Института истории), во главе которого встал академик И.Ю. Крачковский, отказавшийся покинуть блокадный город. Первое заседание Объединенного ученого совета состоялось в здании Академии наук 1 апреля 1942 г. От Пушкинского Дома там присутствовала А.М. Астахова. Это собрание носило скорее не практический, а нравственный характер. Ученым-гуманитариям, пережившим страшную блокадную зиму, необходимо было встретиться, ощутить поддержку друг друга, утвердиться в своей значимости и необходимости для страны, напрягавшей все силы в борьбе с врагом. Разговор касался многих сторон жизни ученого сообщества в блокадном городе [Кольцов 1962, 97].

Весной 1942 г. известный пушкинист Б.П. Городецкий, исполнявший обязанности руководителя Пушкинского Дома в отсутствие заместителя директора Л.А. Плоткина, эвакуировавшегося в Москву еще в ноябре 1941 г.⁷, попытался возобновить научную жизнь Института. Ученые составили планы работы.

Летом 1942 г. жизнь вернулась в Ленинград. Один из корреспондентов М.К. Азадовского писал ученому в Иркутск: «Ленинград не узнать. Опять красивый, чистый город, утопающий в зелени парков, сверкающий голубизной Невы, Невок и каналов. Звенят трамваи, снуют автомобили. На Невском в воскресенье гуляет веселая, смеющаяся молодежь. В кино билеты нара-

⁶ См. статьи ученого: [Азадовский 1944; Азадовский 1944а].

⁷ Напомним, что при директоре П.И. Лебедеве-Полянском (1937 – 1948), постоянно проживавшем в Москве и лишь периодически приезжавшем в Ленинград, фактическое руководство Институтом осуществляли его заместители. В начале войны эту должность занимал Л.А. Плоткин.

хват. Люди постепенно оживают» [Азадовский 1945, 79]⁸. Однако блокада прорвана не была, поэтому власти приняли решение об эвакуации академических ученых, в том числе и Пушкинского Дома. 12 июля 1942 г. уцелевшие сотрудники Института литературы, среди которых были А.М. Астахова и П.Г. Ширяева, через знаменитую «дорогу жизни» были вывезены из блокадного города.

Из пушкинодомских фольклористов в Ленинграде остался только Е.В. Гиппиус. На его попечении был законсервированный, находившийся в подвалах Эрмитажа Фонограммархив. Евгений Владимирович Гиппиус (1903 – 1985), выпускник этнолого-лингвистического отделения Петроградского университета (1924), впоследствии закончивший также курсы Института истории искусств (1924) и научно-композиторский факультет Ленинградской консерватории (1928), участник знаменитых экспедиций ГИИИ на Русский Север, руководитель Фонограммархива с 1927 г., заведующий кафедрой народной музыки Ленинградской консерватории (1939 – 1941), к 1941 г. был ведущим этномузыковедом страны. После фактического увольнения в сентябре 1941 г. из Пушкинского Дома он работал в Ленинградском государственном научно-исследовательском институте театра и музыки. В 1943 г. по поручению Ленинградского горкома ВКП(б) им был составлен и опубликован песенный сборник для бойцов Красной Армии [Гиппиус 1943]. После снятия в январе 1944 г. блокады Е.В. Гиппиус вместе с Б.В. Асафьевым по решению Комитета по делам искусств СССР был переведен в Москву. Деятельность его в военные годы отмечена правительственными наградами: медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

В Москве Е.В. Гиппиус начал работать в Московской государственной консерватории в Кабинете народной музыки, где в содружестве с К. Квиткой утверждал принципы типологического изучения мелоса разных народов⁹. Со смертью З.В. Эвальд и уходом из Пушкинского Дома Е.В. Гиппиуса в Отделе фольклора прекратилась рабо-

та над серией «Песни народов СССР», а сам Отдел после войны сосредоточился исключительно на изучении русского фольклора. Национальная составляющая из проблематики, которой занимались фольклористы в довоенное время, исчезла.

Пушкинский Дом во время эвакуации оказался в Казани. Из фольклористов сюда приехали только А.М. Астахова и П.Г. Ширяева. У П.Г. Ширяевой были особые причины стремиться в Татарскую АССР: дело в том, что еще в начале войны ее дети были эвакуированы вместе с одним из детских учреждений в здешние края [Лихачев 1999, 457]. Найдя детей, фольклористка вскоре вместе с ними уехала к себе на родину в Вологодскую обл.: там было легче прокоррмироваться.

Пелагея Григорьевна Ширяева (1903 – начало 1980-х) происходила из крестьянской семьи, но ее родители сумели дать дочери гимназическое образование в г. Никольске Вологодской губ. (1915 – 1918). Затем она закончила Никольский педагогический техникум и работала учительницей в родных краях. В 1929 – 1932 гг. она училась в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена. В июне 1932 г. П.Г. Ширяева поступила на работу в Отдел фольклора Института по изучению народов СССР; с 1933 по март 1939 г. она младший научный сотрудник Института антропологии и этнографии, а затем – Института литературы.

Интерес к фольклору у П.Г. Ширяевой возник еще на родине, когда в 1919 – 1920 гг. она сделала первые записи песен и частушек в своей родной д. Кузнечиха и отослала их Демьяну Бедному на адрес газеты «Правда». В 1932 г. сформировалась сфера основных научных интересов П.Г. Ширяевой. В связи с выдвинутой А.М. Горьким инициативой по созданию трудов по истории фабрик и заводов она разворачивает планомерную и систематическую собирательскую работу в заводской среде г. Ленинграда (Кировский, Балтийский заводы, фабрика «Треугольник» и др.), а также в Обществе старых большевиков и бывших политкаторжан. Материалы, собранные П.Г. Ширяевой, ныне находятся в Фольклорном хранилище Пушкинского Дома и составляют ее личные коллекции [ФХ ИРЛИ, Р. V, кол. 27, 77, 113].

Исследовательские интересы П.Г. Ширяевой были связаны с изучением фольклора рабочей среды. Все ее работы были написаны на широком фактическом мате-

⁸ В данной статье ученый опубликовал, не называя имен, 60 отрывков из писем военного времени своих молодых коллег.

⁹ О Е.В. Гиппиусе см.: [Бернандт, Ямпольский 1971, 212–214; Мухаринская, Можейко 1983, 76–79; Гиппиус 1985, 127; Гиппиус 2003] и др.

риале, осмысленном с позиций господствовавшей официальной идеологии¹⁰. Будучи в эвакуации, П.Г. Ширяева завершила работу над своей кандидатской диссертацией на тему «Рабочий фольклор первой русской революции». В феврале 1945 г. она вернулась в Ленинград, опять начала работать в Пушкинском Доме и 15 июня 1946 г. защитила диссертацию. Имеет правительственные награды: медали «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Анна Михайловна Астахова (1886 – 1971), чей путь в фольклористику начался с севернорусских экспедиций ГИИИ, к началу войны уже ставшая одним из ведущих специалистов по былинам, по документам военного времени на протяжении 1943 – 1945 гг. числится исполняющей обязанности заведующего Отделом фольклора, но самого отдела в это время, по сути, не существовало. Тем не менее А.М. Астахова с честью представляла фольклористику в делах Пушкинского Дома. В начале ноября 1942 г. в Казани состоялась совместная научная сессия Института литературы АН СССР и Казанского университета, посвященная 25-летней годовщине Октябрьской революции. А.М. Астахова выступила с докладом «Возрождение эпоса». Надо полагать, фольклористка говорила о так называемых «новинах» – эпических песнях о Сталине, Ворошилове, Чапаеве и других героях советского времени, создававшихся сказителями под руководством собирателей фольклора. В декабре 1943 г. исследовательница участвовала в московской конференции, где прочитала доклад «Патриотические мотивы в русском героическом эпосе». В Москве она встретилась с М.К. Азадовским. Главным делом А.М. Астаховой в Казани стало завершение докторской диссертации «Северный период в истории русской былины». 14 декабря 1944 г. в Москве состоялась защита. Позднее, в 1948 г., в переработанном виде диссертация была издана в виде монографии «Русский былинный эпос на Севере»¹¹.

В 1944 – 1945 гг. члены Отдела фольклора постепенно стали возвращаться в Ленинград. Первой в город в мае 1944 г., вскоре после полного снятия блокады (январь 1944 г.), вернулась из Казани А.М. Астахова. С 17 ноября этого же года в списках пуш-

кинодомцев вновь значится имя А.Н. Лозановой. В феврале 1945 г. в Ленинград возвратилась П.Г. Ширяева. 10 марта 1945 г. в город приехал из Иркутска М.К. Азадовский, а уже 15 марта он приступил к работе. С 1 мая старшим научным сотрудником Отдела фольклора стал вернувшийся из Саратова д-р филол. наук В.Я. Пропп – новое лицо в Отделе. 15 сентября в Пушкинский Дом вновь была принята В.А. Кравчинская, реэвакуировавшаяся из Ульяновской обл. Через год, 1 ноября 1946 г., после того как был деконсервирован Фонограммархив, в Пушкинский Дом вновь была принята С.Д. Магид.

17 октября 1945 г. Отдел фольклора утвердил план своей работы на 1946 г. В нем значились работа над вторым томом коллективной монографии «Русский фольклор», над сборником «Фольклор Ленинградской области» (П.Г. Ширяева и В.А. Кравчинская), над собранием сказок покойного А.И. Никифорова (В.Я. Пропп), над библиографией по фольклору Великой Отечественной войны (А.Н. Лозанова), а также экспедиция в Ленинградскую обл. (А.Н. Лозанова, П.Г. Ширяева, В.А. Кравчинская) [ПФА РАН, ф. 150, оп. 1-1946, № 8, л. 1].

В 1946 г. провели деконсервацию материалов рукописного фольклорного хранилища и Фонограммархива, находившихся в течение всей войны в подвалах Эрмитажа. Была приведена в порядок справочная библиотека Отдела. Жизнь постепенно налаживалась, и Отдел фольклора Пушкинского Дома вступал в новую стадию своего развития.

Литература

Азадовская 1978 – *Азадовская Л.В.* Из научного наследия М.К. Азадовского (Замыслы и начинания) // Азадовский М.К. Статьи и письма: Неизданное и забытое. Новосибирск, 1978. С. 189–237.

Азадовская 1981 – Из писем М.К. Азадовского (1941 – 1954) / Публ. Л.В. Азадовской // Из истории русской фольклористики. Л., 1981. С. 205–265.

Азадовский 1942 – *Азадовский М.К.* Импровизации М.Н. Тимофеева-Терешкина // М.Н. Тимофеев-Терешкин. Якуты на войне / Пер. А. Ольхона. Иркутск, 1942. С. 3–15.

Азадовский 1943 – *Азадовский М.К.* Сопоставление фольклористов и сказителей Сибири (21 – 25 марта 1943 г.) // Новая Сибирь: Лит.-худож. альманах. Иркутск, 1943. Вып. 14. С. 69–76.

Азадовский 1944 – *Азадовский М.К.* О построении истории русской фольклористики //

¹⁰ См. работы П.Г. Ширяевой: [Ширяева 1934; Ширяева 1936; Ширяева 1939; Ширяева 1941] и др.

¹¹ См.: [Астахова 1956; Мельц, Митрофанова 1972] и др.

Труды Восточно-Сибирского гос. ун-та. 1944. Т. 11. Вып. 4. С. 113–135.

Азадовский 1944а – *Азадовский М.К.* Ревизионистские тенденции европейской фольклористики в конце XIX в. (Из истории курса по истории русской фольклористики) // Учен. зап. Иркут. гос. пед. ин-та. 1944. Вып. 8. С. 16–30.

Азадовский 1945 – *Азадовский М.К.* Письма молодых фольклористов // Новая Сибирь: Лит.-худож. альманах. Иркутск, 1945. Вып. 15. С. 73–93.

Астахова 1956 – А.М. Астахова (К 70-летию со дня рождения) // Русский фольклор: Мат. и исслед. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 303–310.

Астахова 1971 – *Астахова А.М.* А.Н. Лозанова (Некролог) // Русский фольклор: Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. Т. 2. С. 221–223.

Астахова 1971а – *Астахова А.М.* Николай Петрович Андреев в истории советской фольклористики 20 – 30-х годов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. 5. С. 181–200.

Бер 1944 – Библиография М.К. Азадовского. 1913 – 1943 / Сост. Н.С. Бер. Иркутск, 1944.

Бернадт, Ямпольский 1971 – *Бернадт Г.Б., Ямпольский И.М.* Кто писал о музыке: Биобиблиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. М., 1971. Т. 1.

Бернадт, Ямпольский 1974 – *Бернадт Г.Б., Ямпольский И.М.* Кто писал о музыке: Биобиблиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. М., 1974. Т. 2.

Гиппиус 1936 – *Гиппиус Е.В.* Фонограммархив Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии наук СССР // Советский фольклор: Сб. статей и мат. М.; Л., 1936. № 4–5. С. 405–413.

Гиппиус 1943 – Русские народные песни. Песенник / Сост. Е.В. Гиппиус. Л., 1943.

Гиппиус 1985 – Е.В. Гиппиус [Некролог] // Советская музыка. 1985. № 9. С. 127.

Гиппиус 2003 – Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е.В. Гиппиуса. М., 2003.

Кольцов 1962 – *Кольцов А.В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941 – 1943). М.; Л., 1962.

Кравчинская 1941 – *Кравчинская В.А.* Новый вариант сказки М.М. Коргуева // Советский фольклор. Сб. статей и мат. М.; Л., 1941. Вып. 7. С. 273–276.

Кравчинская, Ширяева 1950 – Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. 1931 – 1949 гг. / Сост. В.А. Кравчинская, П.Г. Ширяева. М.; Л., 1950.

Кравчинская, Ширяева 1957 – *Кравчинская В.А., Ширяева П.Г.* Устные рассказы рабочих о Ленине // Русский фольклор. М.; Л., 1957. Вып. 2. С. 169–185.

Крупянская 1944 – Фронтовой фольклор / Сб. В.Ю. Крупянской; Ред. и предисл. М.К. Азадовского. М., 1944.

Лихачев 1999 – *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб., 1999.

Магид 1936 – *Магид С.Д.* Список собраний Фонограммархива Фольклорной секции ИАЭА Академии наук СССР // Советский фольклор: Сб. статей и мат. М.; Л., 1936. № 4–5. С. 415–428.

Мануйлов 1999 – *Мануйлов В.А.* Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов. СПб., 1999.

Мельц, Митрофанова 1972 – *Мельц М.Я., Митрофанова В.В.* Памяти А.М. Астаховой (1886 – 1971) // Русский фольклор: Русская народная проза. Л., 1972. Т. 13. С. 260–265.

Мухаринская, Можейко 1983 – *Мухаринская Л., Можейко З.* Путь ученого // Советская музыка. 1983. № 12. С. 76–79.

Назарова 2004 – *Назарова Л.Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004.

Песни и сказания о Разине и Пугачеве / Сост. А.Н. Лозанова. М.; Л., 1935.

РНПТ 1953–1956 – Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953 – 1956. Т. 1. Отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. Т. 2. Кн. 1–2. Отв. ред. Д.С. Лихачев.

Рогожников 1943 – *Рогожников А. И.* Крепки дубы, да не согнутся; II. Просьба от престарелых / Зап. А. Гуревич; Ред. М.К. Азадовский // Новая Сибирь: Лит.-худож. альманах. Иркутск, 1943. Кн. 14. С. 69–76.

Ширяева 1934 – *Ширяева П.Г.* Старая рабочая песня // Советская этнография. 1934. № 1 / 2. С. 201–203 (совм. с А.М. Астаховой).

Ширяева 1936 – *Ширяева П.Г.* Из материалов по истории рабочего фольклора // Советский фольклор: Сб. статей и мат. М.; Л., 1936. № 2 / 3. С. 109–118.

Ширяева 1939 – *Ширяева П.Г.* Собрание рабочего фольклора // Советский фольклор: Сб. статей и мат. М.; Л., 1939. № 6. С. 220.

Ширяева 1941 – *Ширяева П.Г.* Фольклор фабрично-заводских рабочих в революции 1905 г. // Советский фольклор: Сб. статей и мат. М.; Л., 1941. № 7. С. 130–160.

Чичаева 1942 – *Чичаева Е.И.* Письмо-обращение к сказителям Советского Союза в дни уборки военного урожая / Ред. М.К. Азадовский. Иркутск, 1942.

Чичаева 1943 – *Чичаева Е.И.* Мы построим танки крепкие / Зап. А. Гуревич; Ред. М.К. Азадовский // Новая Сибирь: Лит.-худож. альманах. Иркутск, 1943. Кн. 14. С. 76–78.

Эвальд 1982 – Эвальд Зинаида Владимировна // Музыкальная энциклопедия. М., 1982. Т. 6. Стб. 477.

Энциклопедия 1995 – Российская еврейская энциклопедия. М., 1995. Т. 2.

Ярневский 1988 – *Ярневский И. М.К.* Азадовский в годы войны // Сибирские огни. 1988. № 12. С. 160–165.

Сокращения

ПФА РАН – Петербургский филиал Архива РАН.

ФХ ИРЛИ – Фольклорное хранилище ИРЛИ.